

Безопасность подростков в Интернете: риски, совладание и родительская медиация

Г.У. Солдатова, Е.И. Рассказова МГУ имени М.В. Ломоносова Москва, Россия, Фонд развития Интернет Москва, Россия
 Поступила 25 ноября 2014/ Принята к публикации: 6 декабря 2014

Adolescent security on the Internet: risks, coping and parental mediation

G.U. Soldatova, E.I. Rasskazova Moscow Lomonosov State University, Moscow, Russia, Foundation for Internet Development, Moscow, Russia
 Received: November 25, 2014 / Accepted for publication: December 6, 2014

В статье исследуются возможности и ограничения совладающего поведения детей и подростков в интернете и помощи им со стороны значимых взрослых (родительской медиации) в контексте новой социальной ситуации развития, опосредованной современными инфо-коммуникационными технологиями, в первую очередь, интернетом. Исследование проводилось на основе методологии EUKidsOnline II в 11 регионах 7 Федеральных округов России (1025 пар «родитель-ребенок»). Согласно полученным данным, к числу наиболее распространенных рисков относятся столкновение с сексуальным и негативным контентом, мошенничеством и хищением личных данных, встречи с онлайн знакомыми. Особенности переживания и совладания с рисками онлайн зависят от доминирующей деятельности подростка в сети: так, ориентированные на учебу дети наименее подвержены этому риску, но они глубже и длительнее переживают такие ситуации, чаще используют для решения пассивные стратегии. В группу наибольшего риска по встрече с сексуальным контентом в сети попадают «потребители контента», активно использующие различные ресурсы сети, в том числе для поиска. При этом они испытывают меньше негативных эмоций, чаще активно пытаются справиться с проблемой, практически не прибегают к офлайн поддержке. Возможности родительской медиации на настоящий момент невелики: стратегия запретов связана со снижением вероятности столкновения с рисками, особенно для ориентированных на учебу подростков; тогда как стратегия объяснений и поощрений действенна для подростков, занятых самой разной деятельностью в интернете, связана с более реалистичной оценкой риска и использованием ребенком активных стратегий совладания и социальной поддержки. Интернет для современного подростка выступает как сложно организованное психологическое «орудие», которое присваивается ребенком, задавая особенности его деятельности и саморегуляции, в том числе, его возможности в совладании с трудными жизненными ситуациями.

Ключевые слова: онлайн-риски, трудная онлайн ситуация, социальная ситуация развития, типы пользователей интернета, пользовательская активность, совладание, стресс.

The paper researches the possibilities and limitations of coping behaviour in children and adolescents on the Internet and the assistance of significant adults (parental mediation) in the context of the new social situation of development mediated by modern information and communication technologies, in particular, by the Internet. The study based on the EUKidsOnline II project was conducted in 11 regions of 7 federal districts of Russia (1025 "parent-child" pairs). According to the research results the most common risks include dealing with negative sexual content, fraud and identity theft, meetings with online friends. Features of experiences and coping with risks online depend on the adolescent dominating activity on the web: those focused on their studies are less exposed to the risks mentioned, whereas their feelings are deeper and more enduring, they more frequently seek solutions using passive strategies. Those who fall into "content consumers" category are most exposed to the risk of coming across sexual content on the web as actively use various Internet resources including search engines. They experience fewer negative emotions, more frequently they actively seek to solve the problem almost without offline support. The opportunity of parental mediation at the present moment is rather insignificant: a strategy of prohibitions associated with reduction of collision risks especially for research of teenagers; while the strategy of positive reinforcement and explanation is used effectively with adolescents doing various things on the Internet, it can be associated with a more realistic risk assessment and child using active coping strategies and social support. According to the data received the Internet could be considered as a complex psychological "instrument" that is internalizing by the child in his/her development. This internalization process determines his/her activities and self-regulation including his/her aptitude to coping with difficult life situations.

Key words: Online risks, difficult online situation, social situation of development, type of internet users, internet activity, coping, stress.

Новые технологии существенно поменяли социальную среду, в которой развивается ребенок, особенно с точки зрения способов его общения с взрослыми и сверстниками. Значимость влияния социальной среды и общения на развитие ребенка признается представителями различных научных направлений и школ в психологии. Однако вопрос о механизмах такого влияния интерпретируется по-разному в зависимости от методологической и теоретической модели, лежащей в основе изучения особенностей развития ребенка.

В нашем исследовании в качестве методологической основы мы рассматриваем культурно-исторический подход, связанный в первую очередь с именем Л.С. Выготского (Выготский, 1983, 1984). Сердцевина культурно-исторического подхода – идея развития соединила в единую концепцию такие общие психологические категории, как «социальная среда», «общение», «знак», «орудие», со специально разработанными для объяснения особенностей психического развития ребенка психологическими понятиями: «социальная ситуация развития», «ведущая деятельность», «значимые другие», «зона ближайшего развития». Все они стали основой различных оригинальных концепций в отечественной психологии (П.Я. Гальперин, В.В. Давыдов, А.Н. Леонтьев, А.Р. Лурия и др.) и широко используются в современных исследованиях психологии развития.

В соответствии с культурно-историческим подходом и созданными на его основе концепциями, формирование личности детей и подростков неотделимо от социальной ситуации их развития. Понятие «социальная ситуация развития», как важнейший компонент каждого периода развития ребенка, было введено Л.С. Выготским в его учении о структуре и динамике психологического возраста (Выготский, 1997, С. 24-25). В работах российских психологов показано, что особенности социальной ситуации развития решающим образом определяют направление, содержание и характер возрастного развития ребенка (Л.И. Божович, В.В. Давыдов, М.И. Лисина, Д.Б. Эльконин, Д.И. Фельдштейн, О.А. Карабанова и пр.). Социальная ситуация развития отражает специфическое для каждого возраста отношение между средой и ребенком, которое рассматривается как источник его развития. Она характеризует место ребенка в системе социальных отношений, ожидания и требования, предъявляемые к нему, а также особенности понимания им этого места и своих взаимоотношений с окружающими людьми и, в первую очередь, с миром взрослых.

Инфо-коммуникационные технологии, расширяя и дополняя жизнь ребенка, опосредствуют и изменяют его жизнедеятельность не только онлайн, но и офлайн (McLuhan, 1964; Солдатова и соавт., 2013). Решение специфических задач, которые ставит перед ребенком

вовлекающая его информационно-коммуникационная среда, оказывает влияние на содержание его психического развития. Эти изменения, в свою очередь, становятся важным компонентом возрастных кризисов развития. В связи с этим, мы можем говорить о возникновении новой социальной ситуации развития личности ребенка, в которой важнейшей координатой становятся информационно-коммуникационные технологии и, в первую очередь, интернет. В этом смысле интернет можно рассматривать в качестве психологического «орудия», которое присваивается ребенком в процессе интериоризации, опосредствуя развитие психики.

Новая социальная ситуация развития несет с собой новые риски. Расширяющиеся эмпирические данные свидетельствуют о том, что обеспечение психологической безопасности ребенка и подростка в интернете является важнейшей задачей информационного общества (Livingstone, Haddon, 2009). Ситуация усугубляется тем, что нередко подростки сами провоцируют опасные ситуации или даже являются их инициаторами, либо скрывают их от родителей и учителей, считая себя более опытными, чем взрослые и чем они есть на самом деле (Солдатова и соавт., 2013). В странах Восточной Европы (Livingstone, Haddon, 2009) и, особенно, в России (Soldatova et al., 2013) по сравнению со странами Западной Европы, проблема стоит более остро: при сравнимом высоком уровне пользовательской активности школьников разных стран, здесь сильнее выражены не только сами риски, но и «цифровой разрыв», выражающийся в недооценке рисков со стороны родителей и учителей, в их неуверенности в собственной возможности оказать помощь, а также в нежелании подростков «пускать» взрослых в свою жизнь в интернете. Одно из возможных объяснений состоит в дефиците социальной регуляции и информирования, по сравнению со странами Западной Европы.

Целью данной работы было исследование новой социальной ситуации развития, характеризующейся специфическими возможностями и ограничениями собственного совладающего поведения детей и подростков в интернете, и помощи со стороны значимых взрослых (родительской медиации) в новой социальной ситуации развития. Исследование

основано на вторичной обработке результатов российской части (Soldatova et al., 2013) проекта EU Kids Online (Livingstone, Haddon, 2009), включившего в целом 25000 пар «родитель–ребенок» из разных стран Европы и направленного на выявление опыта родителей и детей в отношении безопасного и небезопасного пользования интернетом.

В данном исследовании ставились следующие задачи:

- 1 Теоретический анализ особенностей формирования личности детей и подростков цифрового поколения, в том числе, анализ онлайн-рисков и угроз и социально-психологических факторов, способствующих безопасности подростка в интернете.
- 2 Исследование структуры онлайн-рисков и угроз, в сопоставлении с европейскими данными, социально-демографических факторов, а также возможностей совладающего поведения подростков.
- 3 Исследование возможностей родительской медиации деятельности подростка в интернете.

Онлайн-угрозы и трудные онлайн-ситуации

Решение специфических задач, которые ставит перед ребенком вовлекающая его информационно-коммуникационная среда, оказывает влияние на содержание его психического развития – формы и пути развития, виды деятельности, приобретаемые им новые психические свойства и качества (Gackenbach, 2006; Li et al., 2010; Sparrow et al., 2011; Tapscott, 2009), самосознание (Buckingham, 2008; Mazalin, Moore, 2004), интеллектуальную и личностную рефлексию, а также самоорганизацию и саморегуляцию, включая способы совладания с трудными жизненными ситуациями.

Интенсивность онлайн-угроз (Livingstone, Haddon, 2009) требует рассмотрения интернета как значимого потенциального источника стресса в информационном обществе. Согласно российским данным, к числу наиболее значимых из них относятся кибербуллинг и столкновение с сексуальным контентом (Soldatova, Zotova, 2013). Систематическое взаимодействие школьника-пользователя интернета с угрозами

онлайн-среды приводит к возникновению таких отношений между формирующейся личностью и новой социальной средой, которые можно обозначить как трудные онлайн-ситуации. Согласно транзактному подходу, переживание стресса и его влияние на здоровье и развитие (как позитивное, например, мобилизация ресурсов, так и негативное) определяется когнитивно-аффективной оценкой субъектом ситуации как несущей угрозу, потерю или вызов, а своих возможностей по совладанию – как более или менее достаточных (Lasagus, Folkman, 1984; Lasagus, 2006). С позиций культурно-деятельностного подхода (Леонтьев, 1981) такого рода анализ должен дополняться учетом деятельности ребенка, в том числе, того, как в процессе персонификации он осуществляет выбор той деятельности, в которой будет происходить его дальнейшее развитие (Асмолов, 2007). Онлайн среда предоставляет детям широкие возможности для выбора различных видов деятельности: игровой, учебной, коммуникативной, различных форм личностного самоопределения. Если для взрослых интернет, в первую очередь, выступает как источник информации, то для детей это – пространство коммуникации (Livingstone, 2003; Солдатова и соавт., 2011). Это означает, что, с одной стороны, именно в рамках коммуникативной деятельности в сети происходит формирование культурных умений и навыков управления своим поведением (в том числе, формирование совладающего поведения). С другой стороны, коммуникативная деятельность выступает некоей «зоной риска», в которой угрозы интернета проявляются в максимальной степени.

Говоря об онлайн угрозах, следует отдельно отметить проблему чрезмерного использования интернета (Солдатова, Рассказова, 2013а), относящуюся к числу не только наиболее популярных, но и наиболее спорных. Будучи предложенным по аналогии с зависимостью от психоактивных веществ и гэмблинга, термин «интернет-зависимость», не был полностью признан в клинических классификациях (Griffiths, 2000). Существенным образом расходятся критерии и методы диагностики этого явления (Young, 1996; Wudianto et al., 2011). Тем не менее, высокая частота и практическая значимость данного феномена обуславливают акту-

альность дальнейшей разработки понятия и выявления его структуры (Griffiths, 2005). С нашей точки зрения, квалификация той или иной пользовательской активности подростка как «чрезмерной» требует содержательного анализа социальной ситуации развития и особенностей деятельности, в том числе, ее мотивационно-смысловой составляющей (Братусь, 1988). Одни и те же проявления могут быть свидетельством «современного образа жизни», социальным сдвигом границ нормы и патологии (How technologies..., 2009), а могут – признаком аддиктивного потенциала. Близкие представления хорошо иллюстрирует М. Гриффитс (Griffiths, 2010), описывая два случая онлайн-игры с одной и той же высокой частотой, в одном из которых игра была важным этапом жизни молодого человека, способствуя его развитию и обогащая его жизнь (круг общения и интересов) и завершилась при изменении жизненных обстоятельств; тогда как в другом случае она «лишала», жизнь человека других интересов и смыслов, приводя к нарушениям в социальных отношениях, потере семьи и работы.

Задачей данной работы было сопоставление частоты пользовательской активности и признаков чрезмерного использования интернета у подростков с разными типами деятельности в интернете и в разной социальной ситуации (в зависимости от разных стратегий родителей).

Совладающее поведение в интернете и стратегии родительской медиации

Традиционно копинги определяются как индивидуальные способы взаимодействия с трудной (внешней или внутренней) ситуацией, которые определяются ее субъективной значимостью для человека и его собственными психологическими ресурсами (Белинская, 2009; Крюкова, 2005). Формирование стратегий совладания реализуется посредством деятельности механизмов в контексте взаимодействия личности и ситуации. Результатом становится осознанность, произвольность, опосредованность и мотивированность усилий личности, направляемых вполне определенной целью. В процессе развития ребенка освоение совладающего поведения идет парал-

Галина Уртанбековна Солдатова – доктор психологических наук, профессор, член-корреспондент РАО, заместитель заведующего кафедрой психологии личности, координатор факультета психологии МГУ им. М.В. Ломоносова по связям с общественностью и СМИ
E-mail: soldatova.galina@gmail.com

Елена Игоревна Рассказова – кандидат психологических наук, доцент кафедры нейро- и патопсихологии факультета психологии МГУ имени М.В. Ломоносова
E-mail: kmp@psy.msu.ru

тельно с возникновением психологических новообразований соответствующего возрастного периода (качественные изменения когнитивной сферы, преобразование в социальных связях, формирование новой субъективной реальности, преобразующей представления о себе и др.), которые составляют ресурсную базу личности, являющуюся основой копинга (Никольская, Грановская, 2001; Совладающее поведение, 2008). Среди большого разнообразия классификаций копинг-стратегий и стратегий саморегуляции (Lasarus, Folkman, 1984; Eisenberg et al., 1995; Comras, 1998) можно выделить два аспекта наиболее важных, с нашей точки зрения, для исследований совладания в интернете. Во-первых, это представление о важности активного и проактивного, в отличие от пассивного/реактивного совладания, восходящие к идеям трансформационного (Maddi, 1998) и проактивного (Schwarzer, Knoll, 2002) совладания. Трансформационное совладание означает активное преодоление ситуации, включающее поиск и пробы новых форм поведения, в отличие от регрессивного совладания, характеризующегося поддержанием привычного уровня напряжения. Проактивное совладание ориентировано на видение возможностей мира и потенциальное развитие, направлено на постановку и достижение новых целей и личностный рост. Собственная активность ребенка в интернете, попытки преодолеть сложившуюся ситуацию, поиски важных не только для преодоления стресса и его негативных последствий, но и для дальнейшего развития личности в цифровом мире, определения собственной позиции по отношению к произошедшему, развития цифровой компетентности (Солдатова и соавт., 2013).

Во-вторых, важнейшим ресурсом совладания с трудными жизненными ситуациями, особенно в контексте деятельности ребенка в интернете, являются значимые другие. Интернет становится влиятельным посредником между взрослым миром и детьми и подростками, он в значительной степени задает зону их ближайшего развития, в том числе, определяя возможности, содержание и источники социальной поддержки.

Участие родителей в этих процессах может быть различным: «цифровая» ситуация выступает в качестве влиятельно-

го «посредника», определяя как возможности родителей помочь своим детям, так и готовность и желание детей эту помощь принять (Солдатова, Рассказова, 2013б). В проекте EU Kids Online (Livingstone, Haddon, 2009) выделено пять типов медиации пользовательской активности детей со стороны родителей:

- активная медиация пользования интернетом (родитель присутствует при пользовании ребенка интернетом и помогает ему);
- активная медиация безопасности ребенка в интернете (родитель беседует с ребенком о том, как безопасно вести себя в интернете, дает советы и учит, как правильно себя вести);
- ограничивающая медиация (родитель создает правила и ограничения пользования интернетом);
- мониторинг (постоянная проверка сайтов, которые посещает ребенок, его контактов, сообщений, профилей);
- техническое ограничение (использование специальных программ, которые позволяют блокировать и фильтровать сайты, отслеживать посещенные сайты или устанавливать ограничения на время пользования).

Применение данной классификации в условиях российской действительности привело к двум изменениям в данной типологии (Солдатова, Рассказова, 2013б). Во-первых, применение технических средств контроля оказалось крайне редким вариантом для российских родителей, поэтому этот тип был исключен из дальнейшего анализа. Во-вторых, два типа активной медиации были объединены в стратегию объяснений и поощрений, куда входили варианты совместного использования интернета и наблюдения за ребенком, но были исключены варианты присутствия во время пользования в одном помещении (поскольку просто присутствие может быть случайным и не предполагать медиации). В соответствии с положениями культурно-исторического подхода, предполагалось, что одни и те же родительские стратегии могут выполнять разные задачи и иметь разный эффект в зависимости от ребенка, его деятельности в интернете и от того, о каких последствиях идет речь (например, запреты могут снижать вероятность столкновения с рисками, но вряд ли способствуют активному совладающему поведению).

Материал и методы исследования

Работа проводилась на основе методологии проекта EU Kids Online II (Livingstone, Haddon, 2011). Исследование в России включало следующие этапы:

- перевод текстов опросников и интервью;
- пилотажный опрос детей и родителей для выявления трудностей в понимании пунктов и неточностей перевода;
- коррекция текста опросника;
- формирование стратифицированной выборки;
- сбор данных в ходе индивидуального интервью дома у респондентов;
- первичный анализ особенностей пользовательской деятельности в России (Soldatova et al., 2013).

Данное исследование включало формирование общей базы данных и вторичный анализ полученных данных с целью выявления возможностей и ограничений совладающего поведения подростков в интернете и родительской медиации.

Сбор данных осуществлялся в 11 регионах России (Забайкальский край, Кемеровская, Кировская области, Москва, Московская область, Республика Дагестан, Республика Коми, Санкт-Петербург, Ростовская, Саратовская, Челябинская области) с использованием многоступенчатой стратифицированной территориальной случайной выборки. Страты формировались в границах семи Федеральных округов РФ. В каждой страте отбиралось по одному административному району, который представляет в выборке все районы своей страты (за исключением Калининградской области). Общий размер выборки распределялся между стратами пропорционально численности детского населения каждой страты. В исследовании участвовали 1025 пар «родитель-ребенок», включающие детей 9-16 лет (44,5% мальчиков, 55,5% девочек; 25,5% в возрасте 9-10 лет, 18,4% в возрасте 11-12 лет, 27,1% в возрасте 13-14 лет и 29% в возрасте 15-16 лет) и одного из их родителей.

Опросник включал в себя несколько блоков вопросов. Первый блок состоял из вопросов для родителей, направленных на выявление их собственного опыта использования интернета, представлений о трудностях, с которыми сталкивается ребенок, осведомленности

о его онлайн-опыте и действиях, предпринимаемых для обеспечения безопасности при использовании интернета ребенком. Например, «Помогают ли Ваши (или Вашего партнера/другого опекуна) действия, касающиеся того, как Ваш ребенок пользуется интернетом, стать ему более опытным/продвинутым пользователем или нет?», «Известно ли Вам, о том, что Ваш ребенок в течение прошлого года видел в интернете или переживал в связи с использованием интернета нечто такое, что каким-то образом расстроило его? Он, например, почувствовал(а) себя неловко, огорчился(-лась) или подумал(а), что лучше бы ему/ей этого не видеть?». Блок для устного интервью с ребенком включал вопросы об использовании интернета, особенностях онлайн-деятельности, а также о том, какие действия предпринимают родители, учителя и друзья, чтобы помочь ребенку безопасно пользоваться интернетом. Например, «Как ты думаешь, в какой степени твои родители в курсе того, что ты делаешь в интернете?». Вопросы для ребенка, затрагивающие его негативный опыт при использовании интернета, были представлены в отдельных анкетах для самостоятельного заполнения, чтобы обеспечить конфиденциальность ответов и способствовать получению более откровенных ответов. Вопросы, входящие в этот блок, были направлены на изучение детского опыта столкновения с онлайн-рисками, их восприятия, стресса, переживаемого в этих ситуациях, и действиях, предпринимаемых для совладания с ним. Например, «Приходилось ли тебе в течение последних 12 месяцев видеть в интернете или переживать в связи с использованием интернетом что-либо такое, что каким-то образом обеспокоило тебя? Ты, например, почувствовал(а) себя неловко, огорчился(-лась) или подумал(а), что лучше бы тебе этого не видеть?». Всем детям раздали конверты, в которые они уносили свои заполненные опросники.

При вторичной обработке данных в данном исследовании учитывались следующие характеристики:

- 1 Социально-демографические факторы: пол и возраст ребенка, а также образование родителей (если уровень образования различался, то того из родителей, образование которого было выше).
- 2 Характеристики пользовательской деятельности. Длительность оценивалась как количество лет, прошедших

со времени первого знакомства ребенка с интернетом (количество лет онлайн). Частота пользования интернетом рассчитывалась на основе трех вопросов: «Как часто ты пользуешься интернетом?», «Сколько времени ты проводишь в интернете в обычный/школьный день?» и «Сколько времени ты проводишь в интернете в выходной день?» (альфа Кронбаха по шкале 0,68). По результатам факторного анализа было выделено пять видов деятельности в интернете:

- игровая деятельность в интернете (игры с другими людьми, посещение виртуальных игровых миров);
- потребительская активность в интернете (просмотр видеоклипов, скачивание музыки и фильмов и просмотра новостей в интернете за последний месяц);
- общение (просмотр электронной почты и профиля социальной сети в интернете);
- онлайн общение (посещение чата, пользование «аськой» и мессенджером);
- учебная деятельность в интернете (пользование интернетом в учебных целях).

Кластерный анализ позволил выявить три группы подростков с разными типами деятельности в интернете: «ориентированные на учебу» (используют интернет в учебных целях и для офлайн-общения), «потребители онлайн-контента» (используют широкий круг видов деятельности в интернете, кроме игровой активности), «универсалы» (используют все виды деятельности, включая игровую).

3 Онлайн угрозы и способы совладания с ними. С целью общей оценки знаний о риске детям задавался вопрос: «Есть ли в интернете что-либо плохое для человека примерно твоего возраста?» Оценивались чрезмерное пользование интернетом (симптомы отмены, потеря контроля, «замена» реальности, альфа Кронбаха по шкале 0,76), а также столкновение с такими угрозами как сексуальные изображения, сообщения сексуального характера, кибербуллинг, негативный контент (сайты, пропагандирующие самоубийства, наркотики, чрезмерное похудание и т.п.), преследования (мошенничество), общение и встречи с интернет-знакомыми. На

вопросы, посвященные сексуальному и негативному контенту, а также мошенничеству, отвечали только подростки 11-16 лет. В отношении столкновения с сексуальным контентом, кибербуллинга, а также отправки и получения сексуальных изображений оценивались также реакция (насколько сильно переживал) и различные способы совладания с переживаниями. В остальных случаях (негативный контент и мошенничество) анализ совладающего поведения не проводился из-за малого числа испытуемых, ответивших на эти вопросы. На основе содержательного анализа выбираемых из списка действий, было выделено 4 типа способов совладания с кибербуллингом и сексуальным контентом:

- активные стратегии, направленные на решение проблемы («пытался решить проблему», «пытался сделать так, чтобы человек оставил в покое», «пытался отомстить», «заблокировал возможность общаться», «изменил настройки безопасности»);
- пассивные стратегии, связанные с выбором бездействия, избегания, дистанцирования, отрицания проблемы, концентрации на эмоциях («надеялся, что проблема решится сама собой», «чувствовал себя виноватым», «на некоторое время прекратил пользоваться интернетом», «уничтожал любые послания»);
- поиск социальной поддержки;
- вариант «ничего из перечисленного», предполагающий также и «иные» стратегии совладания.

Источники социальной поддержки были разделены на три категории:

- офлайн-источники (родители, братья и сестры, учителя, специалисты, работающие с детьми – то есть все люди, с которыми дети, как правило, общаются вне сети);
- онлайн источники (к этому типу однозначно можно отнести консультантов и провайдеров, а также у большинства подростков в эту категорию попадает подавляющее большинство друзей: так, у 69% детей 9-10 лет имеется больше 10 друзей в социальных сетях, у 28% – более 50 друзей, а к 15-16 годам у каждого четвертого более 100 друзей в социальных сетях, а почти половина российских школьников общаются

Онлайн риски	Россия	Европа
Видел сексуальные изображения онлайн	49%	14%
Видел/получал сообщения сексуального характера	28%	15%
Писал/отправлял сообщения сексуального характера	4%	7%
Подвергался буллингу в интернете	10%	6%
Встречался лично с тем, с кем познакомился в интернете	21%	9%
Видел веб-сайты, на которых обсуждают ненавистнический контент	29%	12%
Видел веб-сайты, на которых обсуждают способы чрезмерного похудания	28%	11%
Видел веб-сайты, на которых обсуждают способы причинения себе вреда и боли	14%	8%
Видел веб-сайты, на которых обсуждают наркотики, опыт их употребления	13%	7%
Видел веб-сайты, на которых обсуждают способы совершения самоубийства	11%	5%
Становился жертвой обмана/мошенничества или хищения личных данных в интернете	26%	9%

Таблица 1. Частота столкновения подростков с рисками и угрозами интернета: сопоставительный анализ данных России и Европы

ся в интернете с теми, с кем они не знакомы в реальной жизни);

- неопределенные источники (другие взрослые, которым доверяет ребенок, и «кто-либо еще» – люди, с которыми ребенок может общаться как онлайн, так и офлайн).

4 Стратегии родительской медиации. На российской выборке было выделено три стратегии родительской медиации (Солдатова, Рассказова, 2013б):

- объяснения и поощрения (например, «Твои родители/один из твоих родителей время от времени разговаривает с тобой о том, чем ты занимаешься в Интернете?»; альфа Кронбаха по шкале 0,83),
- родительские запреты и ограничения (например, «Разрешают ли тебе родители в настоящее время делать это, когда тебе захочется – загружать фотографии, видео или музыку?»; альфа Кронбаха 0,88),
- мониторинг (например, «Проверяют ли твои родители/один из твоих родителей время от времени что-то из перечисленного ниже? Какие сообщения у тебя в электронной почте/Какие сообщения приходят тебе по мессенджеру, «аське»?»; альфа Кронбаха 0,75).

Дополнительно родители отвечали на два вопроса: «В какой степени Вы чувствуете себя способным, если вообще чувствуете способным, помочь своему ребенку справиться с тем в Интернете, что может обеспокоить или расстроить его?», «Как Вы считаете, в какой степени Ваш

ребенок способен, если способен вообще, справиться с тем в Интернете, что может обеспокоить и расстроить его?».

Обработка проводилась при помощи программы SPSS Statistics 17.0.

Результаты и их обсуждение

Столкновение с онлайн-рисками как трудные жизненные ситуации и возможности совладающего поведения

В отношении всех рисков интернета показатели Рунета превышают средние европейские показатели (табл. 1). Наибольший разрыв наблюдается в отношении столкновения с сексуальным контентом, мошенничества/хищения личных данных, столкновения с негативным контентом. Единственный показатель, по которому Европа «обгоняет» Россию, это частота отправки сообщения сексуального характера, что, однако может объясняться большей склонностью российских школьников скрывать факт намеренной отправки такого рода сообщений.

Более подробный анализ двух наиболее значимых онлайн-угроз – столкновения с сексуальным контентом и кибербуллинга позволяет выявить следующие результаты. Во-первых, если распространенность офлайн буллинга в России и Европе практически одинакова (примерно каждый пятый), кибербуллинг более характерен для Рунета (чаще всего это происходит в социальных сетях). Кроме того, российские школьники в два раза чаще, чем европейские (примерно каж-

дый четвертый) сообщают, что сами подвергают буллингу других, как онлайн, так и офлайн. Столкновение с сексуальным контентом также довольно распространено в России – немного больше среднего уровня по Европе посредством телевидения, фильмов и DVD и в более чем в два раза выше по интернету. Большинство сталкиваются с этим контентом во всплывающих окнах.

Более чем две трети опрошенных детей, ставших жертвами кибербуллинга, переживают это как стрессовое событие, практически каждый третий ребенок независимо от возраста переживает случившееся несколько дней и больше. Столкновение с сексуальным контентом как стрессовое событие переживается большинством детей (80%). Независимо от пола и возраста каждый пятый школьник помнит о случившемся несколько дней и более.

Хотя мальчики и девочки сталкиваются с кибербуллингом одинаково часто, они различаются по степени психологической уязвимости: девочки почти в два раза чаще, чем мальчики «очень сильно» и «сильно расстраиваются». Из-за сексуального контента мальчики и девочки расстраиваются практически одинаково. С возрастом дети все меньше переживают как при столкновении с кибербуллингом, так и при столкновении с сексуальным контентом, хотя у 15-16-летних подростков сензитивность к сексуальному контенту несколько повышается, по сравнению с 13-14 летними.

Вероятность столкновения с кибербуллингом ($t=2,147, p<0,05$) и с сексуальными изображениями ($t=-2,1, p<0,05$) повышается у тех, кто больше времени проводит в сети, а также у тех, чья деятельность в сети – поисковая ($t=1,974; p<0,05$).

Сегодня при трактовке «трудных» ситуаций исследователи выделяют не столько их отличие от повседневности, сколько их значимость для человека и воспринимаемую трудность (Wrosch et al., 2003; Marriage, Cummins, 2004). Субъективная оценка ребенком ситуации столкновения с онлайн-рисками как расстраивающей, рассматривается в качестве показателя того, что данная ситуация переживается им как «трудная», следовательно, требующая совладания. Оценка ситуации кибербуллинга как «расстраивающей» передает только

один аспект переживаний. Исследования показали, что жертвы кибербуллинга также тяжело переживают эту ситуацию, как и в случае офлайн-буллинга: они расстроены, испытывают злость, чувствуют себя бессильными, что в дальнейшем может приводить к снижению самооценки, развитию тревожности и более тяжелым психологическим последствиям (Beran, Li, 2005; Wolak et al., 2006). Полученные данные показывают, что для российских школьников, сензитивных к ситуации столкновения с данными видами рисков, встреча с кибербуллингом и сексуальным контентом становятся трудными жизненными онлайн-ситуациями, которые неразрешимы с помощью привычных для них средств и способов действия. Для выхода из них необходимо овладеть новыми культурными средствами совладания.

Как подростки справляются с трудными ситуациями в сети (табл. 2).

Активные и пассивные стратегии как культурные приемы совладания

В трудных жизненных ситуациях, связанных с кибербуллингом, более, чем две трети школьников предпочитают активные стратегии совладания (выбор как минимум одного из пунктов по данному типу совладания), как правило, по типу планирования или изменения настроек безопасности (табл. 2). При столкновении с сексуальным контентом активные стратегии выбираются значительно реже – каждый пятый подросток надеется, что проблема разрешится сама и почти каждый пятый же прекращает пользоваться интернетом на некоторое время. Сталкиваясь с кибербуллингом, девочки предпочитают общие стратегии, а мальчики – конкретные действия в интернете. При столкновении с сексуальным контентом, мальчики в целом чаще, чем девочки, выбирали какую-либо активную стратегию, но предпочтение отдавали попытке «как-то решить проблему». По мере взросления школьники чаще применяют конкретные активные стратегии: «изменяют настройки безопасности» для совладания с обоими видами рисков. В случае кибербуллинга с возрастом растет доля конфронтационной стратегии совладания: если каждый шестой из 9-12-летних детей «пытался отомстить» агрессору, то среди 13-16-летних школьников так ответил уже каждый четвертый.

Тип стратегии	Стратегия	Кибербуллинг	Сексуальный контент
Активные	Пытался решить проблему	35%	10%
	Пытался сделать так, чтобы человек оставил в покое	29%	Нет
	Пытался отомстить	23%	Нет
	Заблокировал возможность общаться	19%	15%
	Изменил настройки безопасности	34%	19%
Пассивные	Надеялся, что проблема решится сама	13%	20%
	Чувствовал себя виноватым	11%	5%
	На некоторое время прекратил пользоваться интернетом	17%	18%
Поиск социальной поддержки	Уничтожал любые послания	26%	9%
	Онлайн-источники	68%	64%
	Офлайн-источники	40%	34%
«Иные» стратегии	Неопределенные источники	14%	11%
	Ничего из общих стратегий	20%	38%
	Ничего из конкретных стратегий	33%	45%

Табл. 2. Типы совладающего поведения при столкновении с кибербуллингом и сексуальным контентом

Пассивные стратегии совладания в отношении кибербуллинга школьники используют реже, чем активные, тогда как в отношении сексуального контента – примерно с той же частотой. Контентный характер второго риска не всегда дает возможность предпринимать активные действия для совладания. Сталкиваясь чаще всего случайно с сексуальными изображениями, размещенными в ин-

тернете, пользователям проще дистанцироваться от проблемы, закрыть страницу, выключить компьютер. Поэтому при столкновении с сексуальным контентом доминирует копинг по типу «избегание» и «дистанцирование». Каждый шестой школьник на некоторое время прекращает пользоваться интернетом, каждый десятый – чувствует себя виноватым при столкновении с кибербуллингом. При столкновении с сексуальным контентом мальчики чаще испытывают свою вину и намного чаще применяют конкретные пассивные стратегии: уничтожают любые сообщения и прекращают пользо-

ваться интернетом. По мере взросления школьники все реже делают свой выбор в пользу пассивных стратегий: наблюдается тенденция снижения использования стратегий «надеялись, что проблема решится сама собой». Младшие дети еще не готовы к столкновению с подобными рисками в сети, поэтому школьники 9-12 лет, по сравнению с более старшими детьми, значительно чаще предпочитали прекратить

Выбор активных/пассивных стратегий совладания во многом определяется характером риска: кибербуллинг – риск, связанный с коммуникацией и межличностными отношениями в интернете, которые часто пересекаются с отношениями в реальной жизни. Поэтому простое прекращение пользования интернетом не может помочь разрешить эту ситуацию, в отличие от сексуального контента, с которым российские школьники не так часто сталкиваются в офлайн-среде

на некоторое время пользоваться интернетом или «уничтожить любые послания от другого лица» ($p<0,05$) и считают такую стратегию достаточно эффективной. Чем старше дети, тем чаще они чувствуют свою вину в случившемся, как в случае кибербуллинга, так и в случае столкновения с сексуальным контентом.

В целом, выбор активных/пассивных стратегий совладания во многом определяется характером риска: кибербуллинг – риск, связанный с коммуникацией и межличностными отношениями в интернете, которые часто пересекаются с отношениями в реальной жизни. Поэтому простое

прекращение пользования интернетом не может помочь разрешить эту ситуацию, в отличие от сексуального контента, с которым российские школьники не так часто сталкиваются в офлайн-среде. По мере взросления дети в обеих ситуациях чаще начинают обращаться к активным по сравнению с пассивными и общим по сравнению с конкретными стратегиями совладания. Это означает, что они все лучше осваивают онлайн-пространство

В качестве важного ресурса выработки стратегий совладания выступают значимые другие, но в онлайн-среде ими являются уже не родители, а друзья – во многих случаях это онлайн-источники

и выстраивают свою онлайн-среду, в которой функционируют и взаимодействуют с другими пользователями (Subramaniam, Šmahel, 2011). И, если младшие дети в случае столкновения с чем-то неприятным в интернете предпочитают выключить компьютер и таким образом отгородить-

Школьники, часто пользующиеся интернетом и практикующие разные виды онлайн-активности, в трудных онлайн-ситуациях отдают предпочтение активным стратегиям, представляющим специальные умения и основанные на их онлайн-компетентности. У детей с высокой пользовательской активностью вектор поиска «значимых других» перемещается в сеть, особенно это характерно для ситуации кибербуллинга

ся от проблемы, то старшие уже стараются совладать с проблемой в своем онлайн-пространстве. Стратегия изменения настроек безопасности, которая становится более популярной с возрастом, позволяет изменить и обезопасить свое онлайн-пространство, чтобы не только справиться с трудной онлайн-ситуацией, но и предотвратить возникновение новых.

Социальная поддержка и значимые другие

Значимый другой – важная составляющая процесса переживания трудной жизненной ситуации, поэтому выбор копинга по типу социальной поддержки занимает второе место при столкновении с кибербуллингом и сексуальным контентом. Более, чем две трети детей, столкнувшихся с кибербуллингом, и почти половина, столкнувшихся с сексуальным контентом, обращались за социальной поддержкой. Причем, чаще они ищут поддержку онлайн и у друзей, а не офлайн. Обнаружена тенденция, что девочки в целом чаще, чем мальчики, обращаются за социальной поддержкой. По мере

взросления выявлена тенденцию к увеличению числа обращений за социальной поддержкой в ситуациях кибербуллинга. Пик обращений приходится на возраст 13-14 лет. При столкновении с сексуальным контентом, наоборот, поиск социальной поддержки становится менее популярным с возрастом. Младшие дети значимо чаще обращаются за социальной поддержкой офлайн, чем дети 13-16 лет ($p < 0,05$), независимо от типа риска.

Таким образом, в качестве важного ресурса выработки стратегий совладания выступают значимые другие, но в онлайн-среде ими являются уже не родители, а друзья – во многих случаях это онлайн-источники. Предположим, что причисляя «друзей» к категории онлайн-

контактов, несмотря на приведенную выше статистику по онлайн-общению, мы все же погрешили против истины и с некоторыми из друзей наши респонденты общаются и онлайн и офлайн, а с некоторыми только офлайн. Но даже с учетом такой погрешности полученные нами данные по всем трем категориям социальной поддержки отчетливо показывают, что поиск «значимых других» как важнейшего ресурса совладания личности с трудными онлайн-ситуациями смещается в инфо-коммуникационное пространство интернета.

Виды онлайн деятельности и стратегии совладания

Активное пользование интернетом российскими школьниками определило овладение детьми различными видами онлайн-деятельности. Как рассмотренные выше стратегии совладания с онлайн-угрозами (пассивные и активные стратегии, новые культурные действия в онлайн-среде, поиск социальной поддержки) связаны с интенсивностью использования интернета и с разными ви-

дами онлайн-деятельности? В целом, чем больше времени ребенок проводит в интернете, тем чаще он выбирает активные стратегии совладания в ситуации кибербуллинга ($t = -2,370$, $p < 0,05$), в частности, стратегии «изменения настроек безопасности» ($t = 2,470$, $p < 0,05$). Можно предполагать, что интенсивность пользования интернетом формирует устойчивость и привыкание детей к сексуальному контенту, который засорил российскую сеть.

Выбор совладающего поведения связан со структурой деятельности в интернете: ориентированные на учебу подростки, использующие интернет в учебных целях и для асинхронного общения, чаще используют пассивные стратегии (например, они чаще испытывают чувство вины, надеются, что проблема разрешится сама) и поиск офлайн-поддержки, нежели «потребители онлайн-контента» и «универсалы». «Потребители контента» во всех случаях применяют разнообразные активные стратегии. «Универсалы» при столкновении с кибербуллингом чаще используют различные активные стратегии или надеются, что ситуация разрешится сама, тогда как при столкновении с сексуальным контентом предпочитают только одну из них – изменение настроек безопасности. Кроме того, «универсалы» при столкновении с кибербуллингом однозначно предпочитают получать онлайн поддержку, а при столкновении с сексуальным контентом – делиться информацией с неопределенными источниками. Иными словами, школьники, часто пользующиеся интернетом и практикующие разные виды онлайн-активности, в трудных онлайн-ситуациях отдают предпочтение активным стратегиям, представляющим специальные умения и основанные на их онлайн-компетентности. У детей с высокой пользовательской активностью вектор поиска «значимых других» перемещается в сеть, особенно это характерно для ситуации кибербуллинга.

В целом, можно выделить группы подростков с разной степенью риска попадания в трудные ситуации. Ориентированные на учебу дети наименее подвержены этому риску, но они глубже и длительнее переживают такие ситуации, чаще используют для решения пассивные стратегии по типу избегания,

дистанцирования и принятия ответственности, с трудом используют возможности онлайн поддержки, а в ситуации столкновения с сексуальным контентом выбирают стратегию временного прекращения пользования интернетом. В группу наибольшего риска при встрече с сексуальным контентом в сети попадают «потребители контента», активно использующие различные ресурсы сети, в том числе для поиска, что закономерно, учитывая направленность их деятельности. Такой интенсивный опыт позволяет им испытывать в трудных онлайн-ситуациях меньше негативных эмоций, чем школьникам с другой пользовательской направленностью. Они также чаще пытаются активно справиться с проблемой, используют виды стратегий, связанные с конкретными действиями, реже прибегают к офлайн-поддержке и предпочитают не отказываться от использования интернета даже в трудных онлайн-ситуациях. «Универсалы», характеризующиеся разносторонней онлайн-активностью, в том числе, отдающие предпочтение играм, чаще других предпочитают решать проблемы самостоятельно, используя активные конкретные действия с компьютером по решению ситуации в сети, реже обращаются за поддержкой, особенно офлайн. Таким образом, по мере увеличения интенсивности пользования интернетом, а также расширения видов интернет-деятельности, школьники все реже применяют пассивные стратегии, предпочитая активные конкретные действия, которые направлены на изменение своей онлайн-среды с целью совладания с возникшими рисками и предотвращения их повторения. По данным европейского исследования дети, практикующие больше разнообразной онлайн-активности, чаще применяют активные стратегии для совладания при столкновении с сексуальным контентом (Hasebrink et al., 2011). Наши результаты подтверждают этот вывод также и для жертв кибербуллинга. Наряду с этим, высокая интенсивность онлайн-деятельности, связанной с общением в сети, которую по праву можно назвать ведущей онлайн-деятельностью, с одной стороны, увеличивает риски, с другой – порождает больше активных стратегий, а также уменьшает обращение школьников за социальной поддержкой к офлайн-

источникам – поиск значимых других и компетентных взрослых перемещается в сеть. При совладании с трудными онлайн-ситуациями дети все реже обращаются к родителям, предпочитая им в роли значимых других друзей и компетентных людей в онлайн-среде. А это означает, что зона ближайшего развития активно формируется онлайн.

Роль медиации родителей в обеспечении психологической безопасности детей и подростков

Более половины родителей считают, что должны больше участвовать в деятельности детей в интернете, более того, в 14% случаев сами дети отмечают, что хотели бы большего участия родителей. При этом по оценкам родителей, около 20% подростков не могут или «не особенно могут» справиться с трудностями в интернете, но сами родители не чувствуют себя достаточно компетентными, чтобы помочь.

По мере увеличения интенсивности пользования интернетом, а также расширения видов интернет-деятельности, школьники все реже применяют пассивные стратегии, предпочитая активные конкретные действия, которые направлены на изменение своей онлайн-среды с целью совладания с возникшими рисками и предотвращения их повторения

Какие действия родителей помогают ребенку в интернете? Анализ роли различных стратегий (табл. 3) позволяет сделать следующие выводы:

- 1 Дети лучше оценивают угрозы интернета, если их родители склонны к объяснениям и поощрениям и хуже – если они стараются использовать запреты и ограничения. Иными словами, объяснения действительно помогают детям лучше знать «подводные камни» интернета, тогда как в случае запретов и мониторинга они не относятся к риску серьезно.
- 2 Запреты и ограничения «тотально» снижают частоту пользования интернетом – такие дети реже выходят в интернет, реже сталкиваются с сексуальным и негативным контентом, реже встречаются с онлайн-знакомыми ($p < 0,05$). Столкнувшись с проблемами, такие дети более пассивны – вместо активного решения проблемы они отказываются от пользования интернетом. Запреты хорошо «работают» в отношении подростков, ориентированных на учебу (которые в целом

реже сталкиваются с угрозами в интернете) и плохо – в отношении детей, посвящающих свое время поиску в интернете, онлайн игре и общению.

3 Родительский контроль почти не связан с интернет-рисками: дети, которых контролируют, всего лишь немного меньше пользуются интернетом и немного реже общаются онлайн с незнакомыми людьми.

4 Объяснения и поощрения родителей мало связаны с частотой столкновения с рисками (дети немного реже пользуются интернетом, получают сообщения сексуального характера и общаются с незнакомыми людьми онлайн), зато такие дети менее болезненно реагируют на столкновение с интернет-рисками и более активно их преодолевают. Кроме того, объяснения и поощрения снижают риск интернет-зависимости – чрезмерного пользования интернетом у «универсалов», проводящих время в онлайн-играх и общении.

5 От действий родителей никак не зависит то, сталкивается ли ребенок, например, с буллингом в интернете и становится ли он жертвой преступлений. Это соответствует полученным ранее данным (Soldatova et al., 2013) о том, что родители мало осведомлены о таких угрозах и часто не знают, что предпринимать в таких случаях.

Заключение

Полученные данные поддерживают гипотезу о том, что интернет для современного подростка выступает не как отдельная сфера его жизни или отдельная деятельность, а как сложно организованное психологическое «орудие» (по Л.С. Выготскому), которое присваивается ребенком, задавая особенности его деятельности и саморегуляции, в том числе, его возможности в совладании с трудными жизненными ситуациями, зоны его «уязвимости» и «ближайшего развития». При этом и риски, и собственные возможности совладания ребенка, и воз-

Риски	Запреты и ограничения	Мониторинг	Объяснения и поощрения
Оценка риска	• Оценка риска на уровне тенденции ниже ($t=-1,81, p<0,1$)	• Не связан с оценкой риска	• Оценка риска выше ($t=3,50, p<0,01$)
Чрезмерное пользование интернетом	• Риск немного ниже ($r=-0,14, p<0,01$). • На уровне тенденции снижают риск у «ориентированных на учебу» ($F=2,6, p<0,1$).	• Риск не меняется	• Риск не меняется. • На уровне тенденции снижают риск у «универсалов» ($F=2,8, p<0,1$).
Столкновение с сексуальными изображениями	• Реже сталкиваются ($t=-4,42, p<0,01$). • Если столкнулись, – чаще рассказывают родителям ($t=2,71, p<0,01$), – чаще прекращают пользоваться интернетом ($t=3,35, p<0,01$).	• Реже сталкиваются ($t=-3,14, p<0,01$).	• Реже сталкиваются ($t=-4,35, p<0,01$). • Если столкнулись, – на уровне тенденции чаще расстраиваются ($t=1,74, p<0,1$), – чаще рассказывают родителям ($t=3,85, p<0,01$).
Отправка и получение сообщений сексуального характера	• Реже получают ($t=-3,03, p<0,01$) • Если получили: – реже расстраиваются ($t=-2,25, p<0,05$),	• Не связан с тем, насколько часто сталкиваются • Если получили: – реже рассказывают родителям ($t=5,39, p<0,01$)	• На уровне тенденции реже получают ($t=-1,72, p<0,1$) • Если получили: – чаще рассказывают родителям ($t=2,15, p<0,05$)
Кибербуллинг	• Не связаны с риском столкновения	• Не связан с риском столкновения	• Не связаны с риском столкновения
Негативный контент	• Реже видят сайты – о самоубийствах ($t=-3,36, p<0,01$), – о чрезмерном похудании ($t=-2,26, p<0,05$), – с ненавистническим контентом ($t=-3,34, p<0,01$), – о наркотиках ($t=-2,45, p<0,05$).	• Не связан с тем, насколько часто сталкиваются	• Не связаны с тем, насколько часто сталкиваются
Жертва преступлений (мошенничества, использования личной информации или пароля во вред)	• Не связан с тем, насколько часто сталкиваются	• Не связан с тем, насколько часто сталкиваются	• Не связаны с тем, насколько часто сталкиваются
«Заражение» компьютера вирусом	• Реже «заражал» компьютер вирусом в интернете ($t=-2,19, p<0,05$)	• Не связан с тем, насколько часто сталкиваются	• Не связаны с тем, насколько часто сталкиваются
Общение и встречи с интернет знакомыми	• Реже общался с незнакомыми людьми ($t=-5,85, p<0,01$). • Реже встречался в интернет знакомыми офлайн ($t=-3,36, p<0,01$).	• Реже общался с незнакомыми людьми ($t=-2,27, p<0,05$).	• Реже общался с незнакомыми людьми ($t=-2,44, p<0,05$).

Таблица 3. Действия родителей и интернет-риски

возможности близких определяются и опосредуются как новой социальной ситуацией развития, так и структурой его деятельности в интернете. К первому вектору относятся – привыкание к наиболее частым стрессогенным составляющим Рунета (сексуальному контенту, в частности), общее освоение активных и конкретных способов совладания, сдвиг поиска социальной поддержки в онлайн, которые отмечаются с расширением пользовательской активности и опыта подростка, как онлайн (пользовательская активность), так и офлайн (возраст). Специфическая социальная ситуация развития задает и новый спектр рисков – нарастает частота признаков чрезмерного использования интернета, в том числе, ситуации отказа от офлайн-общения и обязанностей, негативные переживания в отсутствии сети и т.п. Психологическая безопасность детей и подростков в интернете зависит и от стратегий родительской медиации: запреты и ограничения, снижая вероятность столкновения подростка с онлайн

угрозами, могут препятствовать формированию у него активных стратегий совладания и преодоления, тогда как объяснения и поощрения способствуют лучшему пониманию подростком рисков, с которыми он может столкнуться. Второй вектор проявляется в сложном взаимодействии особенностей деятельности подростка в интернете и его возможностей совладания, а также эффективности помощи родителей. Ориентированные на учебу дети наименее подвержены онлайн-рискам, в том числе, рискам зависимости, они чувствительны к запретам со стороны родителей и чаще прибегают к их помощи, но при столкновении с трудностями чаще занимают пассивную позицию и практически не могут использовать конкретные способы обеспечения информационной безопасности (например, изменение технических настроек). «Потребители контента» чаще сталкиваются с рисками и угрозами интернета, реже реагируют болезненно, предпочитают активные стратегии преодоления труд-

ностей и обращение за онлайн-поддержкой. «Универсалы» наиболее подвержены риску чрезмерного использования интернета, предпочитают решать проблемы самостоятельно, чаще всего реагируют на запреты отказом и парадоксальным усилением активности, но могут прислушиваться к объяснениям и поощрениям. Следует отметить, что, как собственные возможности подростков по обеспечению своей безопасности в Рунете, так и возможности родителей относительно невелики. Показатели частоты столкновения с рисками превышают европейские данные; формирование компенсаторного безразличия к стрессогенному контенту не всегда возможно. Кроме того, психологическое содержание данного феномена требует отдельного исследования. Идет ли речь о действии защитных механизмов отрицания? Оказывает ли это безразличие влияние на будущее отношение подростка к романтическим и сексуальным отношениям? Какого рода социальные нормы форми-

руются у цифрового поколения в результате столкновения с данным контентом? Во многих случаях подростки не владеют активными и конкретными способами обеспечения собственной безопасности и решения возникших проблем, прибегая к пассивному ожиданию, отказу от пользования интернетом, самообвинениям. При этом источники онлайн поддержки – друзья не всегда могут выступать в качестве компетентного информатора по вопросам безопасности, в частности, в связи с их частым нежела-

нием «пускать» взрослых в свою интернет-жизнь и иллюзорными представлениями о собственной компетентности в цифровом мире (Солдатова и соавт., 2013). Родители, часто видя необходимость своего вмешательства, нередко не обладают достаточными инструментами для этого, не информированы о том, как определить какой индивидуальный подход нужен ребенку, и отдают предпочтение стратегии запретов и ограничений. Такого рода действия могут препятствовать присвоению интернета ребенком

как психологического «орудия», открывающего не только риски, но и возможности для совладания. Более того, в случае «универсалов» такие действия приводят к парадоксальным результатам – активному поиску «запретных» плодов. Эти результаты делают актуальными вопросы диагностики и развития цифровой компетентности подростков, родителей и учителей.

Исследование выполнено при поддержке РФФИ, проект 14-06-00730

Литература

- Асмолов А.Г. Психология личности: культурно-историческое понимание развития человека / А.Г. Асмолов. – Москва : Смысл, 2007.
- Белинская Е.П. Совладание как социально-психологическая проблема / Е.П. Белинская. – Психологические исследования: электронный научный журнал. – 2009. – № 1(3). – Электронный ресурс. – Режим доступа : <http://psystudy.ru>
- Братусь Б.С. Аномалии личности / Б.С. Братусь. – Москва : Мысль, 1988.
- Выготский Л.С. Проблема возраста // Собр. соч. В 6-ти т. Т. 4. – Москва : Педагогика, 1984.
- Выготский Л.С. Проблемы развития психики // Собр. соч. В 6-ти т. Т. 3. – Москва : Педагогика, 1983.
- Выготский Л.С. Вопросы детской психологии / Л.С. Выготский. – Санкт-Петербург : СОЮЗ, 1997.
- Емелин В.А. Киборгизация и инвалидизация технологически расширенного человека // Национальный психологический журнал. – 2013. – №1(9). – С. 62-71.
- Крюкова Т.Л. Возрастные и кросс-культурные различия в стратегиях совладающего поведения / Т.Л. Крюкова // Психологический журнал. – 2005. – Т. 26. – № 2. – С. 5-15.
- Леонтьев А.Н. Проблемы развития психики / А.Н. Леонтьев. – Москва, 1981.
- Никольская И.М. Психологическая защита у детей / И.М. Никольская, Р.М. Грановская. – Санкт-Петербург : Речь, 2001.
- Совладающее поведение: современное состояние и перспективы / под ред. А.Л. Журавлева, Т.Л. Крюковой, Е.А. Сергиенко. – Москва, 2008.
- Солдатова Г. Пойманные одной сетью. Социально-психологическое исследование восприятия интернета детьми и подростками / Г. Солдатова, Е. Зотова, А. Чекалина, О. Гостимская. – Москва, 2011.
- Солдатова Г.У. Цифровая компетентность российских подростков и родителей: результаты всероссийского исследования / Г.У. Солдатова, Т.А. Нестик, Е.И. Рассказова, Е.Ю. Зотова. – Москва : Фонд Развития Интернет, 2013.
- Солдатова Г.У. Чрезмерное использование интернета: факторы и признаки / Г.У. Солдатова, Е.И. Рассказова // Психологический журнал. – 2013а. – Т. 34. – № 4. – С. 105-114.
- Солдатова Г.У. Роль родителей в повышении безопасности ребенка в интернете: классификация и сопоставительный анализ / Г.У. Солдатова, Е.И. Рассказова // Вопросы психологии. – 2013б. – № 2. – С. 3-14.
- Beran T., & Li Q. Cyber-harassment: A study of a new method for an old behavior. – Journal of Educational Computing Research. – 2005. – 32. – 265-277.
- Buckingham D. (Ed.). Youth, identity, and digital media. (John D. and Catherine T. MacArthur Foundation Series on Digital Media and Learning). – Cambridge, MA: MIT Press, 2008.
- Compas B. An agenda for coping research and theory: basic and applied developmental issues. / International Journal of Behavioral Development. – 2002. – 22 (2). – pp. 231-237.
- Eisenberg N., Fabes R.A., Murphy B., Maszk P., Smith M., Karbon N. The role of emotionality and regulation in children's social functioning: A longitudinal study. / Child Development. – 1995. – 66. – pp. 1239-1261.
- Gackebach J.(Ed.), Psychology and the Internet: Intrapersonal, Interpersonal and Transpersonal Implications. – San Diego, CA: Academic Press, 2006.
- Griffiths M. The role of context in online gaming excess and addiction: some case study evidence // International Journ. of Mental Health and Addiction. – 2010. – № 8. – P. 119-125.
- Griffiths M. A «components» model of addiction within biopsychosocial framework // Journ. of Substance Use. – 2005. – № 10(4). – P. 191-197.
- Griffiths, M. Internet addiction – time to be taken seriously // Addiction Research. – 2000. – № 8(5). – P. 413-418.
- How technology changes everything (and nothing) in psychology. 2008 annual report of the APA Policy and Planning Board // American Psychologist. – 2009. – № 64 (5). – P. 454-463.
- Lasarus R. Emotions and interpersonal relationships: toward a person-centered conceptualization of emotions and coping. / Journal of Personality. – 2006. – 74. – 1. – pp. 9-43.
- Lasarus R., Folkman S. Stress, appraisal and coping. – New-York: Springer, 1984.
- Li R., Polat U., Scalzo F., & Bavelier D. Reducing backward masking through action game training. Journal of Vision. – 2010. – 10(14):33. – 1-13. – URL:

<http://www.journalofvision.org/content/10/14/33>, doi:10.1167/10.14.33.
Livingstone S. Children's use of the internet: reflections on the emerging research agenda [online]. – London: LSE Research online, 2003.
Livingstone S., Haddon L. EU Kids Online: final report / LSE. – London : EU Kids Online. – 2009. – URL : [http://www.lse.ac.uk/media@lse/research/EUKidsOnline/EU%20Kids%20I%20\(2006-9\)/EU%20Kids%20Online%20I%20Reports/EUKidsOnlineFinalReport.pdf](http://www.lse.ac.uk/media@lse/research/EUKidsOnline/EU%20Kids%20I%20(2006-9)/EU%20Kids%20Online%20I%20Reports/EUKidsOnlineFinalReport.pdf)
Maddi S. Dispositional Hardiness in Health and Effectiveness // Encyclopedia of Mental Health / H.S. Friedman (Ed.). – San Diego (CA): Academic Press, 1998. – P. 323-335.
Marriage K., Cummins R.A. Subjective quality of life and self-esteem in children: the role of primary and secondary control in coping with everyday stress // Social Indicators Research. – 2004. – Vol. 66. – N 1-2. – P. 107-122.
Mazalin D. & Moore S. Internet use, identity development and social anxiety among young adults // Behavior Change. – 2004. – 21. – 90-102.
McLuhan M. Understanding Media: The Extensions of Man. 1st Ed. McGraw Hill. – NY, 1964.
Schwarzer R., Knoll N. Positive coping: Mastering demands and searching for meaning (Chpt. 25). // In S. J. Lopez & C. R. Snyder, Handbook of positive psychological assessment. – Washington, DC: American Psychological Association, 2002.
Soldatova G., Rasskazova E., Zotova E., Lebesheva M., Geer M., Roggendorf P. Russian Kids Online: Key findings of the EU Kids Online II Survey in Russia // Foundation for Internet Development. – 2013. – URL: http://detionline.com/assets/files/helpline/Russian_KidsOnline_Final_Report_2013.pdf
Soldatova G., Zotova E. Coping with online risks: the experience of Russian schoolchildren // Journal of Children and Media. – 2013. – 7(1). – P. 44-59.
Sparrow B., Liu J. & Wegner D.M. Google effects on memory: Cognitive consequences of having information at our fingertips. – Science, 333. – 2011. – 776-778.
Subrahmanyam K., Šmahel D. Digital Youth, Advancing Responsible Adolescent Development, Springer Science+Business Media, LLC, 2011.
Tapscott D. Grown up digital: how the net generation is changing your world. – New York: McGraw-Hill, 2009.
Widyanto L., Griffiths M., Brunsten V. A psychometric comparison of the Internet Addiction Test, the Internet-Related Problem Scale and self-diagnosis // Cyberpsychology, behavior and social networking. – 2011. – № 14 (3). – P. 141-149.
Wolak J. Mitchell K. & Finkelhor D. Online victimization: 5 years later. – Alexandria, VA: National Center for Missing & Exploited Children, 2006.
Wrosch C., Scheier M.F., Carver C.S., Schulz R. The importance of goal disengagement in adaptive self-regulation: when giving up is beneficial // Self and Identity. – 2003. – N 2. – P. 1-20.
Young K. Internet addiction: the emergence of a new clinical disorder // Cyberpsychology and behavior. – 1996. – № 3. – P. 237-244.

References:

Asmolov, A.G. (2007) Psikhologiya lichnosti: kul'turno-istoricheskoe ponimanie razvitiya cheloveka [Personality Psychology: cultural historical understanding of human development]. Moscow, Smysl.
Belinskaya, E.P. (2009) Sovladanie kak sotsial'no-psikhologicheskaya problema [Coping as a socio-psychological problem]. Psikhologicheskie issledovaniya: elektronnyy nauchnyy zhurnal [Psychological research: electronic scientific journal]. 1 (3). -Electronic Resource. – Mode of access: <http://psystudy.ru>
Beran, T., & Li Q. (2005) Cyber-harassment: A study of a new method for an old behavior. – Journal of Educational Computing Research. 32, 265-277.
Bratus', B.S. (1988) Anomalii lichnosti [Anomalies of the individual]. Moscow, Mysl'.
Emelin, V.A. (2013) Kiborgizatsiya i invalidizatsiya tekhnologicheskii rasshirenogo cheloveka [Cyborgization and disability of technologically extended human] Natsional'nyy psikhologicheskii zhurnal [National psychological journal]. 1 (9), 62-71.
Vygotsky, L.S. (1984) Problema vozrasta [The problem of age]. Collected papers. In 6 Vol. Vol. 4. Moscow, Pedagogika.
Buckingham, D. (Ed.). (2008) Youth, identity, and digital media. (John D. and Catherine T. MacArthur Foundation Series on Digital Media and Learning). Cambridge, MA, MIT Press.
Compas, B. (1998) An agenda for coping research and theory: basic and applied developmental issues. International Journal of Behavioral Development. 22 (2), 231-237.
Eisenberg, N., Fabes, R.A., Murphy, B., Maszk, P., Smith, M., & Karbon, N. (1995) The role of emotionality and regulation in children's social functioning: A longitudinal study. Child Development. 66, 1239-1261.
Gackebach, J. (Ed.). (2006) Psychology and the Internet: Intrapersonal, Interpersonal and Transpersonal Implications. San Diego, CA, Academic Press.
Griffiths, M. (2000) Internet addiction – time to be taken seriously. Addiction Research. 8(5), 413-418.
Griffiths, M. (2005) A “components” model of addiction within biopsychosocial framework. Journal of Substance Use. 10(4), 191-197.
Griffiths, M. (2010) The role of context in online gaming excess and addiction: some case study evidence. International Journal of Mental Health and Addiction. 8, 119-125.
(2009) How technology changes everything (and nothing) in psychology. 2008 annual report of the APA Policy and Planning Board. American Psychologist. 64 (5), 454-463.
Kryukova, T.L. (2005) Vozrastnye i kross-kul'turnye razlichiya v strategiyakh sovladayushchego povedeniya [Age and cross-cultural differences in the strategies of coping]. Psikhologicheskii zhurnal [Psychological journal]. V. 26, 2, 5-15.
Lasarus, R. (2006) Emotions and interpersonal relationships: toward a person-centered conceptualization of emotions and coping. / Journal of Personality. 74, 1, 9-43.
Lasarus, R., & Folkman S. (1984) Stress, appraisal and coping. New-York, Springer.
Leontiev, A.N. (1981) Problemy razvitiya psikhiki [Problems of development of the mind]. Moscow.
Li, R., Polat U., Scalzo, F., & Bavelier, D. (2010) Reducing backward masking through action game training. Journal of Vision. 10(14):33. 1-13. – URL: <http://www.journalofvision.org/content/10/14/33>, doi:10.1167/10.14.33.

Livingstone, S. (2003) Children's use of the internet: reflections on the emerging research agenda [online]. London, LSE Research online.
Livingstone, S., & Haddon, L. (2009) EU Kids Online: final report. LSE. London: EU Kids Online. – URL : [http://www.lse.ac.uk/media@lse/research/EUKidsOnline/EU%20Kids%20I%20\(2006-9\)/EU%20Kids%20Online%20I%20Reports/EUKidsOnlineFinalReport.pdf](http://www.lse.ac.uk/media@lse/research/EUKidsOnline/EU%20Kids%20I%20(2006-9)/EU%20Kids%20Online%20I%20Reports/EUKidsOnlineFinalReport.pdf)
Maddi, S. (1998) Dispositional Hardiness in Health and Effectiveness. Encyclopedia of Mental Health. H.S. Friedman (Ed.). San Diego (CA), Academic Press, 323-335.
Marriage, K., & Cummins, R.A. (2004) Subjective quality of life and self-esteem in children: the role of primary and secondary control in coping with everyday stress // Social Indicators Research. Vol. 66, 1-2, 107-122.
Mazalin, D. & Moore, S. (2004) Internet use, identity development and social anxiety among young adults. Behavior Change. 21, 90-102.
McLuhan, M. (1964) Understanding Media: The Extensions of Man. 1st Ed. McGraw Hill. NY.
Nikol'skaya, I.M. (2001) Psikhologicheskaya zashchita u detey [Psychological protection of children]. Nikol'skaya, I.M., & Granovskaya, R, M. St. Petersburg, Rech'.
Schwarzer, R., Knoll, N. (2002) Positive coping: Mastering demands and searching for meaning (Chpt. 25). In S. J. Lopez & C. R. Snyder, Handbook of positive psychological assessment. Washington, DC, American Psychological Association.
(2008) Sovladayushchee povedenie: sovremennoe sostoyanie i perspektivy [Coping behaviour: current state and prospects]. Eds. Zhuravleva, A.L., Kryukova, T.L., & Sergienko, E.A. Moscow.
Soldatova, G. (2011) Soldatova G. Poymannye odnoy set'yu. Sotsial'no-psikhologicheskoe issledovanie vospriyatiya interneta det'mi i podrostkami [Caught by the net. Social psychological research of Internet perception by children and adolescents].
Soldatova, G., Zotova, E., Chekalina, A., & Gostimskaya, O. Moscow.
Soldatova, G.U. (2013) 'Tsifrovaya kompetentnost' rossiyskikh podrostkov i roditeley: rezul'taty vs Rossiyskogo issledovaniya [Digital competence of Russian adolescents and parents: results of the All-Russian research]. Soldatova, G.U., Nestik, T.A. Rasskazova, E.I., & Zotova, E.Yu. Moscow, Internet Development Fund.
Soldatova, G.U. (2013a) Chrezmernoe ispol'zovanie interneta: faktory i priznaki [Excessive use of the Internet: factors and signs]. Soldatova, G.U., & Rasskazova, E.I. Psikhologicheskii zhurnal [Psychological journal]. Vol. 34, 4, 105-114.
Soldatova, G., & Zotova, E. (2013) Coping with online risks: the experience of Russian schoolchildren. Journal of Children and Media. 7(1), 44-59.
Soldatova, G.U. (2013b) Rol' roditeley v povyshenii bezopasnosti rebenka v internete: klassifikatsiya i sopostavitel'nyy analiz [The role of parents in raising the child's safety on the internet: classification and comparative analysis]. Soldatova, G.U., & Rasskazova, E.I. Voprosy psikhologii [Issues of psychology]. 2, 3-14.
Soldatova, G., Rasskazova, E., Zotova, E., Lebesheva, M., Geer, M., & Roggendorf, P. (2013) Russian Kids Online: Key findings of the EU Kids Online II Survey in Russia. Foundation for Internet Development. – URL: http://detionline.com/assets/files/helpline/Russian_KidsOnline_Final_Report_2013.pdf
Sparrow, B., Liu, J. & Wegner, D.M. (2011) Google effects on memory: Cognitive consequences of having information at our fingertips. Science, 333, 776-778.
Subrahmanyam, K., & Šmahel, D. (2011) Digital Youth, Advancing Responsible Adolescent Development, Springer Science+Business Media, LLC.
Tapscott, D. (2009) Grown up digital: how the net generation is changing your world. New York, McGraw-Hill.
Vygotsky, L.S. (1983) Problemy razvitiya psikhiki [Problems of mental development]. Collected papers. In 6 Vol. Vol. 3. Moscow, Pedagogika.
Vygotsky, L.S. (1997) Voprosy detskoy psikhologii [Issues of child psychology]. St. Petersburg: UNION.
Widyanto, L., Griffiths, M., & Brunsten, V. (2011) A psychometric comparison of the Internet Addiction Test, the Internet-Related Problem Scale and self-diagnosis. Cyberpsychology, behavior and social networking. № 14 (3) 141-149.
Wolak, J. Mitchell, K. & Finkelhor, D. (2006) Online victimization: 5 years later. Alexandria, VA, National Center for Missing & Exploited Children.
Wrosch, C., Scheier, M.F., Carver, C.S., & Schulz, R. (2003) The importance of goal disengagement in adaptive self-regulation: when giving up is beneficial. Self and Identity. 2, 1-20.
Young, K. (1996) Internet addiction: the emergence of a new clinical disorder. Cyberpsychology and behavior. 3, 237-244.